

1855.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ.

въ ТИФЛИСѢ: въ Типографіи, что на Александровской площади, и также въ Редакціи въ квартирѣ Редактора, и въ Тифлисской Почтовой Конторѣ. ВЪ С. ПЕТЕРБУРГѢ: въ Газетной Экспедиціи С. Пестерба. Почтамта. ВЪ МОСКВѢ: въ Газетной Экспедиціи Московскаго Почтамта. Во всѣхъ Губернскихъ Почтовыхъ Конторахъ.

КВКАЗЪ

№ 85.

СВѢДѢНІЯ

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ:

Годовое изданіе съ пересылкою 8 р. 50 к
Полугодовое 4 • 50 к
Объявленія печатаются съ платою за каждую букву по 1/2 коп. серебромъ.

29 Октября,

СУББОТА.

СОДЕРЖАНІЕ:

ПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫЯ РАСПОРЯЖЕНІЯ И ВНУТРЕННІЯ ИЗВѢСТІЯ: Высочайшіе приказы: по гражданскому вѣдомству 7 сентября. КВКАЗЪ: Тифлиск. Извѣстія изъ Азіатской Турціи. ФЕЛЬЕТОНЪ: Климъ (кровомощіе), пр. Ст. (продолженіе). ИНОСТРАННЫЯ ИЗВѢСТІЯ: Съ театра войны. Франція. Австрія. Испанія. Турція. УЧЕНО-ИНТЕРАТУРНЫЙ ОТДѢЛЪ: Взглядъ на судьбу г. Ани (продолженіе).

ВНУТРЕННІЯ ИЗВѢСТІЯ.

ВЫСОЧАЙШІЕ ПРИКАЗЫ.

по кавказскому и закавказскому краю.

Высочайшіе приказы по гражданскому вѣдомству, сентября 7-го дня 1855 года, Провозводятся въ выслѣдъ лѣтъ: изъ губернскаго коллежскаго секретари: Закавказской Казенной Палаты: чиновникъ особыхъ порученій Шахъ-Азизовъ-Камсарановъ, протоколистъ Зубовъ, журналистъ Шавердовъ и помощники столоначальниковъ Городенскій, Канчели, Мецурговъ и Меликъ-Белларовъ; Ахалдхский участковый засѣдатель Стоцкій, помощникъ Горійскаго участковаго засѣдателя Павловъ и бывший помощникъ Телавскаго участковаго засѣдателя, нынѣ въ отставкѣ, князь Макаевъ; городской комиссаръ 1 части г. Тифлиса Миримановъ, столоначальникъ Тифлисской Палаты Уголовнаго и Гражданскаго Суда Акимовъ, младшій переводчикъ Кутаисскаго Дворянскаго Депутатскаго Собранія Корка-Швили, письменоводитель Тифлисской Врачебной Управы Пилецкій; Губернскихъ Правленій: Шемахинскаго столоначальникъ Ахшарумовъ и бывший помощникъ столоначальника, нынѣ письменоводитель Арешскаго участковаго управления, Бозюкъ, Эриванскаго помощникъ столоначальника Хаджаматовъ; Канцеляріи Дербентскаго Военнаго Губернатора, управляющаго гражданскою частью, регистраторъ Гладушъ и архивариусъ Ваглай; Узднскихъ Судовъ: Тифлискаго протоколистъ Шайковъ, Горійскаго регистраторъ Теръ-Степановъ, столоначальники — Лекарскаго Новицкій и Шуминскаго Шахматовъ и протоколистъ и регистраторъ Афонсеевъ; Узднскихъ Управленій: Ахалдхскаго надсмотрщикъ крѣпостныхъ дѣлъ Змиоускій и помощники секретарей — Шуминскаго Саруханъ-Бекковъ и Александропольскаго Майсуровъ; городскихъ полицій: Ахалдхскаго квартальный надзиратель Аслановъ и Кубинской письменоводитель Вербицкій; канцелярскій чиновникъ Тифлискаго Губернскаго Правленія Татиловъ, со старшинствомъ: князь Макаевъ съ 11 февраля, Корка-Швила съ 27 марта 1849; Шавердовъ съ 30 октября, Змиоускій съ 24 декабря 1851; Павловъ съ 14 января, Стоцкій съ 11 апрѣля 1852; Канчели съ 8 июня, Аслановъ съ 22 августа, Шайковъ съ 12 декабря 1853; Бозюкъ съ 16 марта, Шахназаровъ съ 16, Теръ-Степановъ съ 28 июня, Шахъ-Азизовъ-Камсарановъ съ 1, Зубовъ съ 8, Ахшарумовъ и Ваглай съ 15, Акимовъ съ 19 июля, Городенскій и

Меликъ-Белларовъ съ 8, Майсуровъ съ 11, Пилецкій съ 18, Афонсеевъ съ 22 сентября, Гладушъ съ 14 октября, Новицкій съ 9, Миримановъ съ 15, Татиловъ съ 17 декабря 1854; Вербицкій съ 1, Хаджаматовъ съ 27 января, Саруханъ-Бекковъ съ 5, Мецурговъ съ 20 марта 1855 года. Изъ коллежскихъ регистраторовъ въ губернскаго секретари: Землемѣры: Тифлисскій узднскій Середенко и Бзюканскій окружный Мамуловъ; Губернскихъ Судовъ: Кутаисскаго исправляющій должность секретаря Месхи, помощники секретаря Хелтули-Швили, Юселани и регистраторы — того же Суда Кадія-Швили и Эриванскаго Яловъ; Закавказской Казенной Палаты: младшій контролеръ Лебедевъ и помощникъ столоначальника князь Аргутинскій-Долгоруковъ 1; письменоводитель канцеляріи Шемахинскаго губернскаго врача Варшамовъ; Губернскихъ Правленій: Шемахинскаго столоначальникъ Толмачевъ и помощники столоначальниковъ — Тифлискаго князь Баратовъ, Кутаисскаго Кошихидзе 1 и Эриванскаго Матусевичъ, Елизаветпольскій 1 и Елизаветпольскій 2; архивариусъ Тифлисской Палаты Уголовнаго и Гражданскаго Суда князь Аргутинскій-Долгоруковъ 2, столоначальникъ Гражданскаго Управленія начальника Джаробзюканскаго Военнаго Округа Акимовъ, помощникъ столоначальника Шуминскаго Узднскаго Суда Калантаровъ; Узднскихъ Управленій: Кутаисскаго секретарь Мхейдзе и переводчикъ Бахрадзе, Шаропанскаго секретарь Кошихидзе 2, Телавскаго помощникъ секретаря князь Макаевъ и переводчикъ князь Вахитовъ, Шуминскаго столоначальникъ Богуславскій; участковые начальники: Аргветскій Церетель и Симонетскій князь Пижарадзе; помощники участковыхъ засѣдателей: Загезурскаго Везировъ и Врандинскаго Шихановъ; участковыхъ управленій: Хачмазскаго бывшій письменоводитель, нынѣ помощникъ столоначальника — Шемахинскаго Губернскаго Правленія, Иверскій Якубовичъ-Курочка и Джаванширскій переводчикъ Теръ-Давидовъ; смотрители тюремныхъ замковъ: Шемахинскаго Ренцискій и Шуминскаго Месропъ-Елисековъ; бывшій пиисецъ крѣпостныхъ дѣлъ Сигнахскаго Узднскаго Управленія, нынѣ исправляющій должность помощника Сигнахскаго участковаго засѣдателя, Пасидзе; канцелярскіе чиновники: Тифлискаго Губернскаго Правленія Коргановъ и Аршевъ, тамошней Палаты Уголовнаго и Гражданскаго Суда князь Бобуровъ, князь Черкесовъ и Багановъ, Кутаисскаго Губернскаго Суда Палаванди-Швили, Закавказской Казенной Палаты Касискій и Цицвановъ, Кутаисскаго Дворянскаго Депутатскаго Собранія Канделакіи, Горійскаго узднскаго казначейства Назаровъ и бывшій канцелярскій чиновникъ Тифлискаго Городоваго Общественаго Управленія, нынѣ кварталъ-

ный надзиратель тамошней градской полиціи, Теръ-Оганосовъ, со старшинствомъ: Церетель съ 7 февраля 1836; Мхейдзе съ 21 января 1841; Кадія-Швили съ 3, Месхи съ 21 марта, Юселани съ 20 июля, Хелтули-Швили съ 4 августа 1842; Ржевскій съ 20 февраля 1843; Палаванди-Швили съ 7 февраля 1844; Богуславскій съ 25 ноября 1846; Кяловъ съ 31 декабря 1847; Коргановъ съ 20 января 1849; князь Бобуровъ съ 15 сентября 1850; Бахрадзе съ 12 декабря 1851; князь Макаевъ съ 17 апрѣля, Елизаветпольскій 1 съ 5 июля, Елизаветпольскій 2 съ 16 августа, Пижановъ съ 18 сентября 1852; Башинъ съ 6 марта, Канделакіи съ 17 апрѣля, Мамуловъ съ 21 августа, князь Вахитовъ съ 5 октября 1853; Варшамовъ съ 18, Кошихидзе 2 съ 28 марта, Середенко съ 1, Лебедевъ съ 20 мая, Косинскій съ 10, князь Черкесовъ съ 20 июля, Пасидзе и Теръ-Оганосовъ съ 5, Толмачевъ съ 16 июля, князь Аргутинскій-Долгоруковъ 2 съ 7, Аршевъ съ 23, Иверскій-Якубовичъ-Курочка съ 28 августа, Месропъ-Елисековъ съ 5, Теръ-Давидовъ съ 10, князь Баратовъ съ 22, Калантаровъ съ 28 сентября, князь Аргутинскій-Долгоруковъ 1 съ 19 ноября, Везировъ съ 7, Назаровъ съ 14, Цицвановъ съ 24 декабря 1854; Матусевичъ съ 1 января, Кошихидзе 1 съ 1, Акимовъ со 2 марта, князь Пижарадзе съ 17 апрѣля 1855 года.

КАВКАЗЪ.

Тифлиск. Государь Императоръ, по всеподданнѣйшему докладу опожертвованіи военными и гражданскими чинами VIII Округа Путей Сообщенія въ пользу морскихъ чиновъ и семействъ ихъ, потерявшихъ имущество въ Севастополѣ, двухъ тысячъ руб. сереб., Высочайше повелѣть соизволилъ: приношеніе принять, а жертвователей благодарить.

Его Высокопревосходительство, Господинъ Главнокомандующій Отдѣльнымъ Кавказскимъ Корпусомъ, 15-го октября, въ лагерѣ при сел. Чивтликъ-гаи, изволилъ отдать слѣдующій приказъ по Корпусу:

«Командованіе Кавказскимъ Стрѣлковымъ баталіо-

ФЕЛЬЕТОНЪ.

КАНЛЫХЪ.

(кровомощіе).

Разсказъ пр. Ст. а.

(Продолженіе.)

Не дожидая нѣсколько шаговъ до отцовскаго двора, Адиль-Гирей осадилъ коня, покрытаго пѣной и съ трудомъ переводившаго дыханіе, и въ одно мгновеніе спрыгнулъ съ сѣдла на землю, а коня привязавъ къ забору. Потомъ, отворивъ потихоньку ворота, онъ вывелъ со двора пару воловъ, привязавъ ихъ подлѣ лошади, и побѣжалъ къ со-сѣднему дому, гдѣ жилъ его родственникъ. У двери онъ постучался и черезъ минуту изъ двернаго отверстія показалося дуло ружья, а потомъ голова человека.

— Это ты, Адиль-Гирей? — спросилъ вышедшій молодой человекъ. — Что такъ поздно?

— Теперь не время объясняться; сѣдай поскорѣ лошадь и догоняй меня на дорогѣ въ Брагуны, — отвѣчалъ Адиль-Гирей и, вспрыгнувъ на лошадь, поспѣшно погналъ быковъ къ горѣ. Вскорѣ и двоюродный братъ настигъ его.

— Ну, Адиль-Гирей — спросилъ онъ въ полголоса, куда ты ѣдешь и зачѣмъ въ такую позднюю пору гонишь быковъ? Ужъ не нашель-ли ты кладъ?

Адиль-Гирей тяжело вздохнулъ. — Ты угадал! отвѣчалъ онъ брату, — нашель кладъ, да только онъ годенъ для червей... Тамъ, на вершинѣ горы, гдѣ сходятся три дороги, лежатъ убитые Муртузъ-Али и старый Булахъ-Ханъ.

Какъ громъ поразили эти слова юношу; судорожнымъ движеніемъ онъ вдругъ осадилъ лошадь и быстро пропустилъ ружье подъ лѣвую мышку, какъ-бы готовя его къ выстрѣлу. Опомившись, онъ сказалъ:

— И ты говоришь правду? не шутишь? Излодѣи осмѣлились посягнуть на наше семейство? Но развѣ забыли они, т о м ѣ и сколько насъ?

Адиль-Гирей не отвѣчалъ и подавъ знакъ молчанія, такъ какъ они уже достигли дѣса, гдѣ кто-нибудь, скрывшійся въ засадѣ, могъ ихъ услышать, и голоса ихъ послужили-бы указаніемъ для вражескаго выстрѣла. Прибѣжавъ куда слѣдовало, наши всадники слѣзли съ лошадей и привязали ихъ къ деревьямъ; потомъ, сбросивъ съ арбы дрова, они положили на нее оба тѣла, прикрывъ ихъ листьями, травой и своими бурками, запрягли быковъ въ арбу и, опять сѣвъ на лошадей, поѣхали по обвѣи сторонамъ арбы въ обратный путь, также молчаливо, какъ и мертвецы, которыхъ они провожали.

Нѣсколько разъ пробуждался старый Солиманъ и всякій разъ напрягалъ слухъ, ожидая что-нибудь услышать; но все вокругъ него по-прежнему было тихо, и старикъ засыпалъ снова. Наконецъ, въ послѣдній разъ проснувшись уже за полночь, онъ услышалъ, что кто-то отворяетъ ворота. Солиманъ приподнялся на своемъ ложѣ и сталъ прислушиваться съ удвоеннымъ напряженіемъ; когда же до него дошелъ скрипъ арбы, вѣзжавшей во дворъ, онъ пересталъ сомнѣваться въ благополучномъ возвращеніи сына и брата.

— Слава тебѣ Господи, наконецъ-то пріѣхалъ, — сказалъ онъ самому себѣ, и провелъ по лицу рукою, какъ будто желая прогнать послѣдніе слѣды сна. За тѣмъ онъ поднялся на ноги, застегнулъ полушубокъ и вышелъ на встрѣчу къ прибывшимъ. Но когда онъ увидѣлъ одного Адиль-Гирей и пустую, какъ казалось, арбу, тогда страшно сжалось сердце старика, и дрожащимъ голосомъ спросилъ онъ сына:

— Ты одинъ? гдѣ же братъ твой и дѣда?

— Вотъ они, отвѣчалъ Адиль-Гирей, подводя отца къ арбѣ и снимая бурку съ двухъ труповъ. Предчувствіе старика не обмануло его; но внезапный видъ труповъ двухъ любимыхъ существъ поразили его до глубины сердца. Свѣтъ потемнѣлъ въ его глазахъ, онъ смежилъ вѣки, и казалось, что жизнь его оставила. Но чрезъ нѣсколько

минутъ онъ пришелъ въ себя, отеръ слѣзы, катившіяся по морщинистымъ щекамъ, простѣръ надъ трупами правую руку и торжественнымъ голосомъ произнесъ:

«Всемогущій Боже! услышь мой обѣтъ. Я приношу тебѣ клятву кроваваго мщенія. Домъ мой будетъ съ этихъ поръ жилищемъ печали, пока будутъ живы убійцы моего сына и моего брата. Не будетъ огня на моемъ очагѣ, не проникнетъ никакая радость въ мое сердце, не буду я имѣть и покоя въ могилѣ, пока не исполнится мой обѣтъ. Клятву эту наследуютъ отъ меня дѣти мои, внуки, правнуки и т. д., пока кровью враговъ совершенно не омоется честь».

— Да будетъ такъ! — сказалъ твердымъ голосомъ Адиль-Гирей.

Между тѣмъ хозяйка, согрѣваемая теплотою камня, спокойно спала.

Для женщины, обитательницы кавказскихъ горъ, ночь — время отдыха послѣ тяжелой дневной работы, тогда какъ для мужины — это время бодрствованія для охраненія жизни и имущества. Привычка прислушиваться къ каждому шороху, украдкою выходить во дворъ, чтобы видѣть, все-ли въ цѣлости, сообщаетъ горцу легкой сонъ лицаго зѣри, который спитъ съ полузакрытыми глазами и наостренными ушами, все видитъ и слышитъ и какъ будто только притворяется спящимъ, чтобы обмануть свою жертву. Жена Солимана проснулась только тогда, когда Солиманъ громко крикнулъ ей:

— Встань, старуха!

— Что случилось? спросила она, привставъ, но еще не совершенно очнувшись.

— Насъ постигло ужасное горе. То, что до сихъ поръ доставляло тебѣ радость, — теперь превратилось для тебя въ слезы. Ступай во дворъ и плачь надъ своимъ сыномъ.

— Плакать надъ моимъ сыномъ? надъ которымъ? Надъ Муртузъ-Али? — судорожно прокричала старуха и бросилась во дворъ.

— Гдѣ ты, дѣти мое родное? Душа души моей, гдѣ ты?

помъ поручается Дивизионному Квартирмейстеру Кавказской Резервной Гренадерской бригады Генерального Штаба полковнику Фрейману, съ тѣмъ, чтобы онъ теперь же принялъ этотъ баталіонъ во всемъ на законномъ основаніи, впредь до утвержденія его командиромъ онаго Высочайшимъ приказомъ, о чемъ сдѣлано представленіе Г. Военному Министру.

«О чемъ объявляю по Высочайше вѣренными мнѣ войскамъ.»

Подлинный подписалъ Главнокомандующій, Генералъ-Адъютантъ Муравьевъ.

— Нахичеванскій почтмейстеръ, коллежскій Ассесоръ Алексеевъ, движимый чувствами любви и преданности къ Престолу, пожертвовалъ на военныя издержки изъ жалованья своего *девятнадцать голландскихъ червонцевъ.*

— Ученики Нухинскаго Уѣзднаго Училища, пользуясь свободой во время лѣтнихъ, настоящаго года, вакацій, и желая употребить эту свободу на пользу храбрыхъ воиновъ нашихъ, приготовили *четырнадцать и три четверти фунта кори и двадцать пять штукъ компрессовъ,* которые пожертвовали для дѣйствующаго въ Крыму отряда.

— Старшій аптекарскій ученикъ Елисаветопольскаго военнаго Госпиталя Филипъ Ивановъ, пожертвовалъ *двадцать четыре руб.* на потребности настоящей войны.

— 25-го октября выступила изъ Тифлиса въ г. Гори батарея № 2 батарея 13-й бригады, въ числѣ 7-ми штабъ и оберъ-офицеровъ, и 206 человекъ нижнихъ чиновъ, подъ командою подполковника Ольшевскаго.

Извѣстія изъ Азіатской Турціи.

(Письма корреспондента газеты «Кавказъ».)

XXXII.

18 го октября. Лагерь при сел. Чинглик-гал.

12-го числа сего мѣсяца всадники Карабахской милиціи, подъ командою Ами-бека Мехминдарова, отбили изъ-подъ карескихъ батарей 55 турецкихъ лошадей и захватили оружіе, брошенное въ бѣгъ

завоювала она страшнымъ голосомъ. Когда же увидѣла трупъ сына, сердце ея затрепетало и остановилось, какъ въ послѣднюю минуту жизни; лице покрылось смертною блѣдностью, неподвижные глаза приняли страшное выраженіе, ноги подкосились; пораженная мать, повалившись на землю, разметалась по ней въ судорожныхъ движеніяхъ...

Печальная вѣсть быстро перешла отъ сакля къ саклю и вскорѣ весь аулъ раздѣлялъ горе семейства, постигнутого бѣдствіемъ. По дорогамъ раздавались печальные возгласы женщинъ, спѣшившихъ въ домъ Солимана; молча и въ раздумьи собирались къ нему старики; молодые-же люди, захвативъ съ собою оружіе, торопились туда—кто верхомъ, кто пѣшкомъ. Надъ ауломъ, высоко въ воздухѣ, вились горные коршуны, чужа присутствіе труповъ...

И не удивительно, что цѣлый аулъ пришелъ въ движеніе: Солиманъ былъ любимъ и уважаемъ всеми. Онъ принадлежалъ къ тѣмъ немногимъ, еще оставшимся въ живыхъ, старикамъ, которые нѣкогда вышли изъ Кабарды съ княземъ Бекевичемъ и основали Новый-Юртъ. Онъ жилъ со всеми въ мирѣ и благочестіи и былъ надѣленъ всеми земными благами: его окружали пятеро сыновей, цвѣтущихъ силою и здоровьемъ, какъ пять зеленыхъ, полныхъ жизни отростковъ окружаютъ старое дерево. Но третій изъ этихъ отростковъ нынѣ отсѣченъ злыми людьми; слезы оросили землю, видѣвшую его рожденіе, и рыданія потрясли воздухъ его родины...

Тутъ не слышно было словъ въ утѣшеніе безутѣшной матери: окружавшія ея женщины пѣли навзрыдъ, пронзительными и потрясающими душу и сердце голосами, разныя пѣсни, въ которыхъ вспоминались отличныя качества и благородныя поступки обоихъ убитыхъ, и ночь была свидѣтельницей торжественныхъ обѣтовъ женщинъ: не предаваться никакой радости, пока мужчины не прольютъ кровь за кровь.

Солиманъ и окружавшіе его старики стояли безмолвно у входа въ саклю, съ потупленными въ землю глазами, слушали жалобныя пѣсни и обѣты женщинъ и, держа правую руку на груди, повторяли: да будетъ такъ! Собравшіеся во дворъ молодые люди, подобно горному оглоуску, повторяли за ними тоже самое.

Противъ Новаго Юрта, на правомъ берегу Терека расположена Червленая станица, гдѣ находилась штабъ-квартира

бани-бузуками и регулярными кавалеристами, изъ коихъ нѣкоторые изрублены.

Ночью съ 13-го на 14-е число казачью цѣпью захваченъ курьеръ, пробиравшійся съ 6-ю человекими жителями Эрзрумскаго пашалыка, съ почтою въ Карсъ. По разборѣ почтовой сумки найдено много частныхъ писемъ на англійскомъ, французскомъ, нѣмецкомъ, греческомъ, армянскомъ и турецкомъ языкахъ, официальныхъ бумагъ и нѣсколько мелкихъ посылокъ (*). Содержаніе нѣкоторыхъ писемъ относилось къ положенію Карса и другихъ частей Малой Азіи и дало извѣстіе о намѣреніяхъ турецкихъ генераловъ. На другой день, на пространствѣ, гдѣ преслѣдовали курьера, найдено въ бурьянѣ и въ рѣчкѣ еще нѣсколько интересныхъ писемъ, и между ними одно отъ г-жи Анны Томпсонъ изъ Лондона къ сыну, находящемуся въ Карсѣ. Письмо это показываетъ нѣжную заботливость матери: въ немъ много полезныхъ совѣтовъ, касающихся экономіи, и соблазнованіе, что по слухамъ, дошедшимъ въ Лондонъ, карескій гарнизонъ употребляетъ вмѣсто мяса конину. Къ письму этому приложены заготовленные для сына визитныя карточки и медаль за экспедицію его въ Пегу. Но особенно выказалась предусмотрительность г-жи Томпсонъ въ адресѣ, который былъ написанъ слѣдующимъ образомъ: *Генералу Муравьеву, а въ случай, если почта эта не будетъ имъ захвачена, то капитану Генриху Томпсону, въ Карсѣ.* Съ своей стороны, нѣжная мать умоляетъ Его Высочайшее Превосходительство переслать сыну письмо и посылку.

Иногда ночью и часто по утрамъ пушечные выстрѣлы съ карескихъ укрѣпленій встрѣчаютъ наши легкіе кавалерійскіе отряды, неутомимо беспокоящіе карескій гарнизонъ. Охотники полковника Лорисъ-Меликова и линейные казаки постоянно тревожатъ непріятеля.

Отъ генерала Суслова получено извѣстіе, что имъ посылаемы были 2 роты пѣхоты къ сторонѣ Вана за Алла-дагъ, противъ непокорныхъ намъ

(*). Частныя письма и посылки, по принятому правилу, отправлены съ парламентеровъ въ Карсъ.

тира Гребенскаго казачьяго полка, которымъ я командовалъ.

Разъ, въ превосходное осеннее утро, возвратился я домой послѣ одной изъ тѣхъ тягостныхъ, бесполезныхъ ночныхъ тревогъ, которыя, въ этой странѣ всего непредвидѣннаго и внезапнаго, столько-же обыкновенны, какъ и опасны. Раздѣвшись и облачившись по домашнему, я подошелъ къ окну и сталъ наблюдать, какъ проваживали по дорогѣ лошадей, до такой степени разгоряченныхъ быстротою вѣды, что отъ нихъ, какъ отъ кипящей воды, валилъ густой паръ... Какъ вдругъ является ко мнѣ Солиманъ, съ тѣмъ важнымъ видомъ, въ томъ же самомъ папахѣ и въ томъ же полушубкѣ, которые всегда были съ нимъ нераздѣльны; только лицо его было блѣднѣе и худощавѣе обыкновеннаго. Я уважалъ этого добродушнаго и откровеннаго старика, охотно помогалъ ему, въ чемъ могъ, и любилъ съ нимъ бесѣдовать о настоящемъ и прошедшемъ бытѣ его двоюродныхъ племянниковъ; онъ много видѣлъ, много испыталъ и сужденія его были здравы и убѣдительны. Но съ тѣхъ поръ, какъ постигло его несчастье, мы не видѣлись. Съ непритворнымъ участіемъ пожалъ я теперь его жесткую руку; другой рукою онъ приподнял немножко свой папахъ въ знакъ поклона. Я не упустилъ случая сдѣлать ему дружеское замѣчаніе за то, что онъ давненько не посѣщалъ меня. На это Солиманъ отвѣчалъ, что былъ очень занятъ, а что теперь пришелъ ко мнѣ *думать* (старикъ плохо объяснялся по-русски и вмѣсто слова *совѣтоваться*, употреблялъ слово *думать*.) Послѣ этого онъ осмотрѣлся кругомъ, какъ будто желая говорить со мною безъ свидѣтелей. Два молодые казака, бывшіе въ комнатѣ, вышли вонъ по данному имъ мною знаку, и мы остались наединѣ съ Солиманомъ.

— О чемъ-же ты пришелъ ко мнѣ *думать*? спросилъ я старика.

Помолчавъ нѣсколько минутъ, чтобы подавить вздохъ, стремившійся наружу, старикъ медленно, но твердо началъ разговоръ:

— Ты знаешь несчастье, которое постигло мой домъ?

Я увѣрилъ его въ моемъ сердечномъ къ нему участіи.

— Благодарю, сказалъ онъ. По нашему закону я долженъ отомстить кровью за кровь; но я не знаю вашихъ законовъ, и потому я пришелъ спросить тебя, не осудятъ ли меня начальники ваши, которые живутъ въ Грозной, если я буду дѣйствовать по нашимъ законамъ.

Курдовъ; войска наши сильно наказали ихъ за хищничество, разсылавъ кочевья и захвативъ много скота.

ИНОСТРАННЫЯ ИЗВѢСТІЯ.

ИЗВѢСТІЯ СЪ ТЕАТРА ВОЙНЫ. (N. P. Z.)

По телеграфической депешѣ изъ Лондона отъ 15-го октября, тамъ получено извѣстіе, что генералъ сэръ Колинъ Кампбелъ отправился въ Евпаторію съ пѣхотою и артиллеріею.

— (J. de St.-P.) Въ Times пишутъ отъ 29-го сентября изъ лагеря на Черной рѣчкѣ:

«Взятіе Малаховой башни изумило Русскихъ и вынудило ихъ ускорить очищеніемъ южной части Севастополя, на которое они давно уже рѣшились. Но удаленіе ихъ изъ этой части города изумило въ свою очередь союзниковъ, которые не были готовы сколько нибудь воспользоваться имъ. Двѣнадцати-мѣсячныя осады дѣйствія союзниковъ на тѣсномъ пространствѣ десяти квадратныхъ англійскихъ миль, въ странѣ, куда все пособіе доставлялось имъ только моремъ, имѣли чрезвычайно дурное вліяніе на ихъ дѣятельность, а воспоминаніе о бѣдствіяхъ, претерпѣнныхъ прошлою зимою, довело ихъ до такой нерѣшительности, что они колеблются подвинуться далѣе на этомъ негостепріимномъ полуостровѣ, опасаясь удалиться отъ морскаго берега, гдѣ скоплены все пособія, на которыя они только и могутъ полагаться. При томъ, недостатокъ единства въ командованіи ощущается съ большою силою теперь, когда настало время дѣйствовать наступательно, въ открытомъ полѣ. До тѣхъ поръ, пока дѣло шло о вопросахъ второстепенныхъ, пока въ виду имѣлась только одна цѣль, этотъ недостатокъ единаго начальника, не смотря на весь вредъ, имъ причиняемый, не могъ еще быть вполне чувствуемъ. Но не то теперь, когда генераламъ пришлось обсуждать самыя важныя вопросы. Должно ли двинуться впередъ? Не поздно ли нынѣшнимъ годомъ? Отступать ли Русскіе, или стануть защищать сѣверныя возвышенности и весь Крымъ? Есть и еще другіе, второстепенные вопросы, которымъ неслучайно придаетъ очень много важности.

Я не могъ скрыть улыбки, вызванной у меня этимъ навѣннымъ вопросомъ; но это самое дало мнѣ возможность скорѣе убѣдить старика на счетъ его безответственности.

— Хорошо! Я объ этомъ только и хотѣлъ знать, — сказалъ онъ, — но теперь еще одна просьба: можешь-ли ты дать мнѣ стволъ и замокъ отъ солдатскаго ружья?

Я спросилъ, почему онъ предпочитаетъ наше ружье своему національному?

— Вотъ почему, — сказалъ онъ, — нашъ стволъ очень узокъ, и въ него входитъ одна небольшая пуля, которая чаще ранитъ, нежели убиваетъ; а во время дождя порохъ на полкѣ сырѣетъ и производитъ осыпки. Солдатское же ружье я могу зарядить двумя пулями, да прибавить еще и картечи, и если у него исправенъ кремль, то осыпки случиться не можетъ, а потому и выстрѣлъ будетъ вѣрнѣе.

Хотя я очень хорошо былъ знакомъ съ образомъ мыслей и поступковъ моего пріятеля, однако все-таки мнѣ казалось какъ-то странно и неловко содѣйствовать кому-бы то ни было въ систематически-обдуманномъ убійствѣ. Поэтому я замедлил прямымъ отвѣтомъ на просьбу Солимана и, въ свою очередь, обратился къ нему съ вопросомъ:

— Значитъ, убійцы тебѣ ужъ известны?

Губы старика судорожно задрожали.

— Еще-бы! Конечно известны! Ихъ четверо и все они изъ Шали-Гачимъ-Барса.

— Но какъ же ты розыскалъ ихъ?

— Они сами возвратили мнѣ похищенныхъ быковъ и просили забыть это дѣло, такъ-какъ, по ихъ увѣренію, они совершили убійство единственно по ошибкѣ и готовы удовлетворить наше семейство по приговору шаріата.

— Ну вотъ и прекрасно! И ты согласился?

— Г-мъ! Нѣтъ, я отвѣчалъ имъ, что у меня денегъ и скота много, что я не продаю крови моихъ дѣтей и родственниковъ, и не знаю ей другой цѣны, кромѣ той: «око за око и зубъ за зубъ!»

— Ты поступилъ, какъ истинный мусульманинъ и горрецъ; но скажи мнѣ пожалуста, вѣдь разбойниковъ было четверо, а твой сынъ и братъ убиты только двумя пулями? Какъ-же ты могъ узнать, кто изъ четырехъ виновныхъ выстрѣлилъ по нимъ?

— Я знаю навѣрно кто. Дѣло вотъ какъ было: четыре злодѣя, замѣтивъ, что Мургузъ-Али и Булахъ-ханъ идутъ

Нельзя еще рѣшить, чье мѣсто возьметъ верхъ, потому что движенія союзниковъ еще не выяснились, и они находятся почти на тѣхъ же позиціяхъ, на которыхъ стояли до взятія Севастополя... При томъ дороги, ведущія изъ Байдарской долины къ сѣверу, зимою и послѣ сильныхъ дождей становятся непроходимы. А потому Французы, со свойственною имъ предусмотрительностью, въ одно и то же время, и подвигаются впередъ и проводятъ военныя дороги.

«Каждого, изучившаго окрестности Севастополя, поражаютъ чрезвычайныя выгоды, представляемыя ими для оборонительнаго образа дѣйствій. На каждомъ шагу встрѣчаются крѣпкія позиціи и Русскимъ остается только пользоваться ими. Это естественная крѣпость, которой средоточіе представляетъ Бахчисарай; это цѣлая цѣпь ушей и плоскихъ возвышенностей, замкнутая рѣками Черною, Бельбекомъ и Качею, которыя всѣ текутъ въ море. За исключеніемъ дороги изъ Ахтіара въ Макензи, всѣ прочія дороги тянутся по теченію рѣкъ, и на нихъ-то Русскіе, какъ кажется, устроили свою оборонительную линію. Это видно изъ того, что при малѣйшемъ движеніи нашемъ ихъ передовыя посты и пакеты отступаютъ за эти рѣки. Мы перешли за Черную рѣчку, заняли Шулю, посмотрѣли мимоходомъ на Айтодоръ, стоимъ теперь на Байдарскихъ высотахъ, и нигдѣ не встрѣтили сопротивленія. Изъ всего этого слѣдуетъ, что занятіе нами Байдарскаго перевала есть только первый шагъ къ наступательнымъ дѣйствіямъ.»

(N. Pr. Z.) Изъ Азіятской Турціи. Лордъ Редклиффъ препроводилъ въ Лондонъ телеграфическую депешу, съ извѣстіемъ объ отбитіи карскаго гарнизона штурма 29-го сентября. Потери Турокъ опредѣлена въ этой депешѣ только въ 700 человекъ убитыми и ранеными; но извѣстно, какъ ненадежны реляціи, получаемыя чрезъ Константинополь.

«Франція. (Ind. V.) Изъ Парижа пишутъ отъ 13-го октября:

«Въ письмахъ изъ Марсели говорятъ съ изумленіемъ о чрезвычайномъ множествѣ войскъ, отсы-

лаемыхъ изъ этого города въ Крымъ. Но не должно забывать, что войска эти отправляются для смѣны солдатъ, которымъ вышелъ срокъ службы и которые возвратятся во Францію.

«Сверхъ того считаютъ, что число раненыхъ и больныхъ Французовъ, лежащихъ въ константинопольскихъ госпиталяхъ, или привезенныхъ обратно во Францію, простирается до 20.000. А потому можно сказать съ увѣренностью, что всѣ эти подкрѣпленія нисколько не увеличатъ армію, а только пополнятъ ее до прежняго состава.

«Хотя, къ сожалѣнію, нѣтъ еще надежды на скорое заключеніе мира, однакожь могу сказать, что въ нѣкоторыхъ высшихъ слояхъ общества было произнесено недавно нѣсколько словъ, подающихъ поводъ думать, что примиреніе возможно. И въ другихъ государствахъ распространяются такія же желанія; все, наконецъ, свидѣтельствуетъ, что миръ сдѣлался общею потребностью; но, повторяю, что потребность эта, вѣроятно, не скоро еще превозможетъ силу обстоятельствъ, и необходимость поддержать военную честь двухъ великихъ націй.»

«Австрія. (J. de S.-P.) Одинъ изъ вѣнскихъ корреспондентовъ Аугсбургской Газеты старается доказать, что въ слѣдствіе трактатовъ, которыми Австрія обязалась содѣйствовать западнымъ державамъ въ достиженіи цѣли, преслѣдуемой ими, австрійскій кабинетъ не можетъ принять на себя посредничества между воюющими сторонами, и что роль эта прилична единственно Пруссіи, которая до сихъ поръ держалась совершенно въ сторонѣ.

— (Allg. Z.) Изъ Вѣны пишутъ, отъ 8-го октября, что русскій посланникъ, князь Горчаковъ, имѣлъ на дняхъ нѣсколько разъ свиданіе съ графомъ Буолемъ, барономъ Прокешемъ и графомъ Коллоредо, австрійскимъ посланникомъ при сѣнъ-джемскомъ кабинетѣ.

— (J. de St.-P.) Въ Zeit извѣщаютъ, что австрійскій посланникъ при Императорско-Россійскомъ дворѣ, графъ Валентинъ Эстергази, немедленно по возвращеніи Австрійскаго Императора изъ Ишля, отправится къ своему посту, въ С.-петербургъ.

Тутъ было вліяніе его религіи, а исполнять ее велѣнія онъ считалъ долгомъ ненарушимымъ, святымъ и богоугоднымъ. Поэтому-то я не обвинялъ Солиманъ; не обвинялъ и себя въ томъ, что не могъ воспрепятствовать его намѣреніямъ...

Вечеръ, послѣдовавшій за утреннимъ моимъ свиданіемъ съ Солиманомъ, былъ какъ-то мраченъ. Густыя массы облаковъ, быстро гонимыхъ вѣтромъ, смѣнялись одиными другими, а молодой мѣсяцъ, подобно челноку, плававшему по морю во время бури, то нырялъ въ ихъ глубины, то выплывалъ на поверхность, проливая тусклый свѣтъ на землю. Мертвая тишина, нарушаемая только шумомъ Терека да воемъ шакала, увеличивали мрачность вечера. Пользуясь его темнотою, какой-то человекъ, закутанный въ бурку, тихо пробираясь къ кладбищу. Подойдя къ первому памятнику, онъ присѣлъ на корточки и сталъ прислушиваться и всматриваться, какъ будто стараясь замѣтить чей-то силуэтъ на темномъ фонѣ неба; потомъ приложивъ палецъ къ губамъ, онъ пронахально свистнулъ два раза. Ему отвѣчали такимъ-же свистомъ изъ-за высокаго памятника, стоявшаго въ отвѣсномъ положеніи; вслѣдъ за тѣмъ, подобно мертвецу, вставшему изъ гроба, поднялся изъ-за памятника другая темная фигура; обѣ онѣ стали подвигаться на встрѣчу другъ къ другу; но, въ нѣсколькихъ шагахъ одна отъ другой, остановились.

— Домбай? спросилъ Солиманъ (это былъ онъ) едва слышнымъ голосомъ.

— Я,—отвѣчалъ другой.

Послѣ этого ночные собесѣдники сблизились и опять присѣли на корточки близъ памятника, покрывъ его своими бурками, которыхъ черныя цвѣтъ совершенно сливалась съ темнотою ночи.

— Ну, Домбай, сказалъ Солиманъ, стараясь говорить какъ можно тише,—каково идетъ наше дѣло?

— Пока еще хорошо,—отвѣчалъ Домбай,—я видѣлся съ нимъ сегодня и уговорилъ его отправиться со мною въ Шедринъ, чтобы оттуда угнать лошадей, что днемъ и ночью пасутся на степи. Утромъ рано ѣздили мы на гору, къ горячимъ ключамъ, и онъ, въ свою краденую зрительную трубку, видѣлъ этихъ лошадей. Ему, какъ видно, хочется завладѣть ими какъ можно скорѣе; только онъ еще не вполне мнѣ довѣряетъ, и потому я не хочу слышать, чтобы не испортилъ дѣла; не хочу и слишкомъ увлечь его,

«Испанія. (Ind. V.) Мадридъ, 13-го (по телеграфу). Во вчерашнемъ засѣданіи Кортесы занимались сужденіями о конституціи; но послѣ перешли къ разсмотрѣнію проекта закона о доведеніи въ 1856 году арміи до 70,000 человекъ. Этотъ проектъ принятъ.

«Турція. Пишутъ изъ Варны въ Journal de Constantinople:

Въ письмахъ изъ Галаца извѣщаютъ, что въ австрійскомъ войскѣ замѣчено нѣкоторое движеніе. Вся кавалерія собралась въ Романо, гдѣ фельдмаршалъ Шликъ будетъ дѣлать ей смотръ. Въ Яссахъ осталось только тысяча человекъ Австрійцевъ: всѣ прочія войска находятся въ пограничныхъ округахъ. Въ Галацъ также оставленъ только 2,000-ый гарнизонъ.

УЧЕНО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ ОТДѢЛЪ.

ВЗГЛЯДЪ НА СУДЬБУ

ГОРОДА АНИ.

(Статья И. И. Иванова.)

(Продолженіе.)

Спустя послѣ этого годъ, на мѣсто Язитага посланъ былъ губернаторомъ любимецъ императора Каменосъ, человекъ гордый и неспособный для занятія подобнаго мѣста. Онъ хотѣлъ силою приучить Армякъ къ послушанію и заставить ихъ признать себя неограниченнымъ повелителемъ. Народъ взволновался. Каменосъ, думая, что возмущеніе происходитъ отъ патриарха Петра, началъ жестоко тѣснить его и послалъ императору доносъ. Бѣдный первосвященникъ долженъ былъ оставить въ 1047 году Ани, поручивъ управленіе патриаршескаго престола племяннику своему Хачику, извѣстному также подъ именемъ Хачадура; но чрезъ нѣсколько времени, Каменосъ, имѣя отъ императора секретное приказаніе угнетать главныхъ наставниковъ Армянской Церкви, которую думалъ соединить съ Греческою, заставилъ также и Хачика покинуть свою резиденцію. Патриаршескій престолъ, оставшійся незанятымъ, Каменосъ хотѣлъ продать кому нибудь за деньги. Этотъ поступокъ произвелъ новое возмущеніе, какъ въ Ани, такъ и во всей Арменіи, заставившее анійскаго губернатора просить помощи и совѣтовъ у своего повелителя. Императоръ, страшась нападеній со стороны Турокъ-Сельджуковъ, а чтобы положить конецъ беспорядкамъ, вызвалъ Хачика въ Константинополь и, обласкавъ его, отпустилъ съ почестями въ

чтобы не возбудить подозрѣнія. Лучше подождемъ нѣсколько дней. Иначе дѣло можетъ принять дурной оборотъ. Еще каковыя слишкомъ свѣжъ и онъ смотритъ подозрительно на всякое дерево, на всякій кустъ, которые попадаютъ ему на дорогѣ, и на всякаго человека, который съ нимъ встрѣчается. Надо подождать, пока поостынетъ подозрительность.

Старый Солиманъ потеръ себѣ лобъ и сказалъ:

— Все это очень дѣльно, а потому будь съ нимъ очень остороженъ; онъ и его сообщники кровожадны какъ волки и коварны какъ лисы. Ты не долженъ болѣе приходить ко мнѣ, чтобы кто-нибудь не увидѣлъ насъ вмѣстѣ; тогда трудъ нашъ будетъ напрасенъ; лучше теперь же условимся, какъ намъ дѣйствовать.

— Хорошо; такъ слушай-же: Во вторую ночь полнолуія, когда взойдетъ мѣсяцъ, ты долженъ спрятаться у брода на Сунлѣ, въ томъ мѣстѣ, гдѣ она, недалеко отъ Умаханъ-Юрга, впадаетъ въ Гудесмекъ. Когда въ Брагунахъ запоютъ первые вѣтхи, я приду съ нимъ верхомъ къ этому броду, а когда мы станемъ переправляться черезъ рѣчку, я буду отъ тебя по лѣвую сторону.

— Такъ; но вѣдь по ночамъ ѣздятъ многіе, и трудно различать людей по башлыку и буркѣ. Поэтому ты долженъ подать мнѣ какой-нибудь условный знакъ. Проговори, когда ты будешь на среднѣхъ рѣки, кабаринское слово: пси; тогда я тотчасъ узнаю, какой вѣпръ идетъ на мое дуло.

— Хорошо. Только еще одно условіе. Если я не приду во вторую ночь полнолуія, то ты ожидай меня въ третью, четвертую, и до тѣхъ поръ, пока я самъ тебѣ не скажу, чтобы ты не приходишь болѣе.

Тутъ собесѣдники прѣсѣгли съ своихъ мѣстъ.

— Прощай, Домбай, сказалъ Солиманъ, а на тебя вполнѣ надѣюсь. Гдѣ-же твоя лошадь?

— Вонъ тамъ, у дерева.

И они разошлись, каждый въ свою сторону.

Только Домбай повхалъ по такимъ мѣстамъ, гдѣ онъ могъ быть увѣренъ, что его никто не замѣтитъ.

(Продолженіе въ слѣд. №)

Ани, въ которомъ, по прибытіи Хачика, спокойствіе снова установилось, но недолго продолжалось.

Въ 1055 году, по повелѣнію султана Тогруль-Бека, посланнаго уже разъ свои войска въ Арменію, въ 1053 году, были произведены въ Ширакъ и другихъ провинціяхъ страшныя убійства и грабежи. Жители, гонимые своими врагами, устремились къ городу Ани, но не успѣли укрыться за стѣнами его стѣнами. Султанскія войска, преслѣдуя Армянъ, подступили ночью къ воротамъ столицы Багратидовъ и, пользуясь беспечностію городской стражи, ворвались внутрь ея. Голодный мечъ, — говорятъ современники, — проходившій небольшія села, вполне насытился въ этомъ населенномъ городѣ. «Этому несчастному случаю съ городомъ Ани, по словамъ тѣхъ же современниковъ, можно только сочувствовать, но обрисовать и передать отчетливо на письмѣ совершенно невозможно.» Войска Тогрула, ограбивъ Ани и взявъ въ плѣнъ многихъ его жителей, возвратились по своимъ мѣстамъ, а Майракагакъ снова остался во власти Грековъ.

Въ 1058 году, по смерти патриарха Петра 1-го, Хачикъ признанъ былъ всѣми единодушно его преемникомъ; но это избраніе поселило новую вражду между анійскимъ правителемъ и патриархомъ, несогласавшимся платить требуемой дани. Императоръ Константинъ Дукасъ, вслѣдствіе этого, потребовалъ Хачика въ Константинополь, съ намѣреніемъ отнять у него при томъ огромный сокровища, которыя онъ получилъ въ наслѣдство отъ своего дяди Петра, будто-бы присвоившаго себя, по разрушеніи армянскаго царства, казно-хранилища Багратидовъ, находившіяся въ анійской цитадели. Хотя императоръ содержалъ Хачика подъ арестомъ, но не могъ вынудить у него согласія платить ежегодную дань. Наконецъ съ помощію Какига, бывшаго въ г. Бизу, Хачикъ получилъ свободу и возвратился въ Ани; но, вслѣдъ за его отъѣздомъ изъ Византіи, было послано приказаніе, что императоръ не дозволяетъ ему имѣть своего местопребыванія въ столицѣ Багратидовъ, и что онъ можетъ перенести свою резиденцію въ Тандуръ. Цѣль этого запрещенія была впоследствии обнаружена. Императоръ, не получивъ отъ Хачика требуемыхъ сокровищъ, который отказывался именованіемъ ихъ, приказалъ обыскать всѣ извѣстныя въ Ани мѣста, гдѣ-бы только могли сохраниться богатства Багратидовъ. Во время этихъ поисковъ, много было разрушено домовъ, церквей и другихъ памятниковъ; но нигдѣ воображаемыхъ императоромъ сокровищъ не отыскано. Это заставило Константина Дукаса просить у Хачика извиненія за свое къ нему недовѣріе, и дать ему въ подарокъ два монастыря.

По возстановленіи спокойствія въ гайканскомъ патриархатѣ, Ани около трехъ лѣтъ пользовался, съ своими окрестностями, свободою и безопасностію; но въ 1064 году онъ испыталъ опять бѣдствіе, почти подобное случившемуся съ нимъ въ 1055 году. Бѣдствіе это глубоко поразило всѣхъ Армянъ и повергло патриарха Хачика въ тяжкую болѣзнь, отъ которой онъ чрезъ мѣсяцъ умеръ. Виновникомъ несчастія, поразившихъ вновь Арменію, былъ Алпъ-Арсланъ, о жестокости котораго мы приводимъ здѣсь разсказъ Аристанеса Ласдиверчи.

«Неприступный Ани, гордясь своимъ величіемъ, задремалъ въ объятіяхъ нѣги и не переставалъ грѣшить противъ небесъ до тѣхъ поръ, пока Провидѣніе двинуло на него персидскаго дая, стремившагося къ распространенію своихъ владѣній; это было въ 513 году по нашему счисленію.

«Царь этотъ, предводительствуя 10,000 войскомъ, вступаетъ въ нашу страну и наводитъ на всѣхъ страхъ и ужасъ; разоривъ многія провинціи, онъ наконецъ подступаетъ къ городу. Расположась въ виду Ани, онъ занялъ огромное пространство подъ своей станъ и изыскивалъ средства, какими-бы образомъ разрушить желѣзныя ворота города и сломать вѣдныя запоры ихъ; но всѣ усилія его въ этомъ дѣлѣ оставались тщетными; потерявъ наконецъ надежду, онъ думалъ отступить. Въ это время анійскіе горожане, не зная, что царь поселилъ между свѣдою стражею и князьями раздоръ, перестали бороться и обратились въ бѣгство; гонимые страхомъ, они не встрѣчали нигдѣ друзей, кромѣ одного испуга. Осаждающіе, увидѣвъ это, поспѣшно вѣзли на стѣну и, какъ морскія волны, хлынули во внутренность города и, давъ персидскому мечу свободу, никого не щадили. Множество жонъ и мужей искали себя спасенія въ царскихъ чертогахъ, другіе заперлись въ цитадели, извѣстной подъ именемъ Нерки, а нѣкоторые укрѣпились въ самомъ городѣ; но враги, зная очень хорошо, что осажденные не могутъ дѣйствовать оружіемъ, и что между ними нѣтъ ни одного храбраго мужа, поспѣшно окружили ихъ и заставили наконецъ невольно выйти изъ занятыхъ мѣстъ.

«Теперь видны были одни только страданія: дѣти, вырванные изъ объятій матерей, безжалостно были убиваемы о камни, а родительницы орошали своихъ питомцевъ кровью и слезами; отецъ съ сыномъ падали подъ ударомъ одного меча; старцы, юноши, священники и діаконы вкусили смерть

отъ того же сѣмитаго желѣзнаго меча. Городъ и дороги были устланы трупами и орошены кровавыми ручьями; дикіе звѣри пожирали мертвыя тѣла. Недовольствуясь всѣмъ этимъ, грабители предали-было огню великолѣпныя и достойныя удивленія дворцы и хотѣли превратить ихъ въ кучу земли, но корыстолюбіе и обманъ остановили вѣпнувшее пламя. Алпъ-Арсланъ, ограбивъ и разрушивъ все, отправился въ свою страну съ огромною добычею.»

Съ 6 іюня 1064 года Ани, признавъ надъ собою власть Алпъ-Арслана, подвергался постояннымъ разореніямъ отъ правителей, назначаемыхъ повелителемъ правотѣрныхъ. Народъ, жестоко гонимый мусульманскими губернаторами, началъ оставлять свой Майракагакъ и искать для себя убѣжища въ Грузіи и другихъ мѣстахъ, пользовавшихся въ то время правосудіемъ и благосостояніемъ. Не смотря на всѣ убійства и грабежи, столица Багратидовъ имѣла у себя еще много сокровищъ, которыя могли бы доставить ея врагамъ обильную жатву; но Провидѣніе оглянулось и не дало имъ преждевременно стереть съ лица земли этотъ городъ. Въ 1072 году Фадлуъ, богатый мусульманинъ изъ Довина, купивъ у Алпъ-Арслана Ани за огромную сумму (*), назначилъ правителемъ этого города племянника своего Фазла или Мануче. Фазлъ, съ помощію своего дяди, перестроилъ и вновь соорудилъ много публичныхъ зданій, возобновилъ анійскія стѣны, которыя были совершенно почти разрушены отъ постоянной войны Армянъ съ Греками и Турками-Сельджуками. Фадлуъ, остановивъ бѣгущихъ анійскихъ жителей, призвалъ еще къ себѣ изъ другихъ мѣстъ богатыхъ армянскихъ купцовъ, которыхъ мусульманская тиранія и фанатизмъ заставляли покидать свое отечество. Отъ Фадлуа Ани перешелъ въ управленіе къ его наслѣдникамъ и потомкамъ. (**)

По смерти Фадлуа 1-го, Мануче былъ полнымъ распорядителемъ Ани и вмѣстѣ съ тѣмъ возобновителемъ его. При немъ-то столица Багратидовъ отдохнула немного и залечила нѣсколько ранъ, нанесенныхъ ей мусульманскимъ фанатизмомъ. Мануче, предоставивъ свободу въ исповѣданіи христіанской религіи, поступалъ въ управленіи городомъ согласно съ характеромъ его жителей, и тѣмъ заслужилъ вполне любовь Армянъ, которую они не разъ доказали ему во время борьбы съ врагами, нарушавшими благоденствіе Ани.

Въ 1086 году Меликъ-шахъ, предпринявъ въ Арменію огромную экспедицію, беретъ Ани, но безъ кровопролитія, и уступаетъ его снова Мануче въ полное распоряженіе. Послѣ этого аленскій эмиръ Эгази также сдѣлалъ на Майракагакъ два нападенія въ 1094 году и спустя нѣсколько лѣтъ. Въ первомъ изъ этихъ нападеній Эгази былъ разбитъ войсками Мануче и лишился своего брата; но во второмъ Мануче считалъ себя погибшимъ и если кому обязанъ спасенію, то армянскимъ войскамъ, вышедшимъ къ нему на встрѣчу изъ округа Аршаруникъ или Ахорникъ; Эгази не былъ допущенъ къ воротамъ Ани. Мануче, не переставая заботиться объ устройствѣ города, въ послѣдніе годы своей жизни особенно старался, какъ замѣтно, распространить о немъ извѣстность и сдѣлать главнымъ торговымъ мѣстомъ въ Арменіи. Со смертію его, въ 1110 году, все измѣнилось въ Ани, какъ во внутреннемъ, такъ и въ наружномъ его состояніи; завистники снова начали беспокоить угасавшую столицу Багратидовъ для того, чтобы взять съ нея контрибуцію и возвратиться въ свои мѣста, и потомъ, спустя немного времени, повторить тоже самое. Сынъ Мануче Абуль-Севаръ, принявъ на себя управленіе Ани, не обращалъ никакого вниманія на администрацію, и чрезъ то предоставилъ своимъ секретарямъ возможность пользоваться имѣніями богатыхъ Армянъ, которые очень часто, безъ всякой вины, по однимъ только навѣтамъ, были осуждаемы на смертную казнь. Беспечность Абуль-Севара перемѣнила къ нему расположеніе Армянъ, рѣшавшихся даже свергнуть съ себя иго мусульманскаго владычества, но ихъ удерживалъ отъ того сынъ Севара Фадлуъ, походившій немного, по дѣламъ въ управленіи, на дѣда своего Мануче. Когда-же въ 1124 году Севаръ вызванъ былъ персидскимъ шахомъ въ Хорасанъ, для какихъ-то секретныхъ переговоровъ, анійскіе граждане твердо уже рѣши-

(*) Объ этомъ замѣтка приложена въ концѣ статьи.

(**) Объ этомъ въ концѣ статьи есть замѣтка.

лись привести прежній замыселъ свой въ исполненіе. Обстоятельства благоприятствовали имъ въ этомъ. Грузинскій царь Давидъ Возобновитель, по сверженіи съ себя ига Сельджукидовъ, распространялъ свое вѣдѣніе въ государство. «Взавъ Дори, главный городъ Восточной Арменіи и другія мѣста, 20 августа 1124 г., — говоритъ летописецъ, — Давидъ находился у источниковъ Божано; въ это время прибыли къ нему секретно гонцы отъ главныхъ анійскихъ вельможъ для объявленія, что они общаются слать ему свой городъ. Давидъ тотчасъ разослалъ во всѣ стороны воззванія, а спустя три дня имѣлъ предъ собою 60,000 войска; съ нимъ онъ отправляется и прибываетъ къ назначенному мѣсту, овладѣваетъ безъ боя городомъ и цитаделю, деревнями и прочимъ, беретъ въ плѣнъ анійскаго правителя Абуль-Севара, его восемь сыновъ, ихъ женъ, слуганокъ, и посылаетъ ихъ въ Абхазію. Поручивъ охраненіе Ани месхійскимъ азнаурамъ, Давидъ возвратился въ Картали». Анійскіе граждане думали, что они теперь навсегда освободились отъ мусульманскаго ига, признавъ надъ собою власть такого сильнаго царя, который можетъ защитить ихъ во всякое время, и когда они такъ думали, Давидъ умираетъ, а Фадлуъ, получивъ извѣстіе о завоеваніи его владѣній Грузинами, прибываетъ изъ Персіи съ многочисленною арміею, данною ему шахомъ, и жестоко мститъ за смерть отца своего Абуль-Севара. Фадлуъ, по прибытіи въ Арменію, успѣлъ также склонить на свою сторону многихъ владѣтельныхъ князей и, подкрѣпленный ими, подступилъ къ стѣнамъ г. Ани, который отворилъ ему свои ворота послѣ годовой осады. Эта упорная защита еще болѣе раздражила Фадлуа. Разбивъ на голову грузинскія войска, онъ заставилъ царя Дмитрія II признать его независимость и заключить миръ; за этимъ Фадлуъ беретъ городъ Довинъ и присоединяетъ къ своимъ владѣніямъ. Не смотря на измѣну, сдѣланную ему Армянами, онъ не помнилъ зла и обращался съ ними довольно ласково до самой смерти своей, послѣдовавшей въ 1132 году.

(Продолж. въ слѣд. №.)

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

Старшины Тифлисскаго Собранія извѣщаютъ Гг. Членовъ онаго, что въ четвергъ 3 ноября, въ 2 часа по полудни, будетъ данъ общій обѣдъ по 1 р. 50 к.; во время обѣда будетъ играть хоръ военной музыки. Съ-сего же числа открывается подписка на 1856 годъ. Гг. Члены Собранія, желающіе оставить за собою это званіе, приглашаются къ возобновленію билетовъ. 1.

Продается дорожная КОЛЯСКА, за умѣренную цѣну, на угольной площади въ домѣ Ивана Александра. 1.

Доводится до свѣдѣнія Гг. сельскихъ хозяевъ, что въ Казенномъ Училищѣ Садоводства (быв. Фермѣ) продается пчельникъ, состоящій изъ 58 семействъ пчелъ и 47 порожнихъ ульевъ.

При училищѣ находится также 4 пчеловода, которые могутъ быть отпущены на службу къ частнымъ лицамъ. 2.

ПРІѢХАЛИ: октября 26-го: изъ Гори надворный совѣтникъ *Люлье*, изъ Александрополя капитанъ князь *Галаринъ*. 27-го: изъ Александрополя генералъ-маіоръ *Карлгофъ*, изъ Владикавказа капитанъ *Рипинскій*, изъ Душета капитанъ *Алихановъ*. 28-го: изъ С.-Петербурга маіоръ *Макпеевъ*.

ВЫѢХАЛИ: октября 26-го: въ Кахетію коллежскій совѣтникъ *Теръ-Гукасовъ*, въ Кутаисъ маіоръ *Савиничъ*, въ Ставрополь штабсъ-капитанъ *Ефремовъ*. 27-го: въ С.-Петербургъ штабсъ-капитанъ *Раткевичъ*.

Тифлисскаго театра.

Въ воскресенье, 30-го октября:

ВЪ ЛЮДЯХЪ АНГЕЛЪ НЕ ЖЕНА, ДОМА СЪ МУЖЕМЪ САТАНА—водевиль. ВОЛШЕБНАЯ ФЛЕЙТА, или ТАНЦОВЩИКИ ПО НЕВОЛѢ.—Танцы.

Метеорологическія наблюденія.

Мѣсяцъ и числа по старому стилю	Часы.	Термометръ Р°.		Сирость воздуха.	Барометръ при 13¼ Р°. Русс. полули.	Направленія вѣтра.	Состояніе неба.	Темпер. Реом.	
		Сухой.	Смоч.					Ниж.	Наиб.
25-го Октября.	7 утра.	+ 1,4	+ 0,5	0,81	580,93	СВ. оч. слаб.	Ясно.	+ 1,0	+ 11,8
	1 попол.	+ 11,4	+ 7,0	0,46	580,39	ЮВ. слаб.	Ясно.		
	9 вечер.	+ 4,8	+ 3,1	0,71	580,49	СВ. оч. слаб.	Ясно.		
26-го Октября.	7 утра.	+ 1,8	+ 1,2	0,88	579,97	СВ. слаб.	Обл. на гориз.	+ 1,0	+ 11,4
	1 попол.	+ 11,4	+ 7,5	0,52	579,20	ЮВ. оч. слаб.	Обл. на гориз.		
	9 вечер.	+ 5,2	+ 3,3	0,68	578,78	СВ. оч. слаб.	— — —		
27-го Октября.	7 утра.	+ 4,2	+ 0,6	0,88	577,67	СВ. слаб.	Обл. на гориз.	+ 0,2	+ 11,0
	1 попол.	+ 10,6	+ 6,4	0,46	576,50	В. слаб.	Обл. вѣсти.		
	9 вечер.	+ 5,3	+ 3,1	0,63	576,24	Тихо.	Ясно.		

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ.

ТИФЛИСЬ. 29-го Октября 1855. Ценсоръ А. ЭБЕЛИНГЪ. Въ Типографіи Канцеляріи Намѣстника Кавказскаго. Редакторъ Е. ВЕРДЕРЕВСКІЙ.